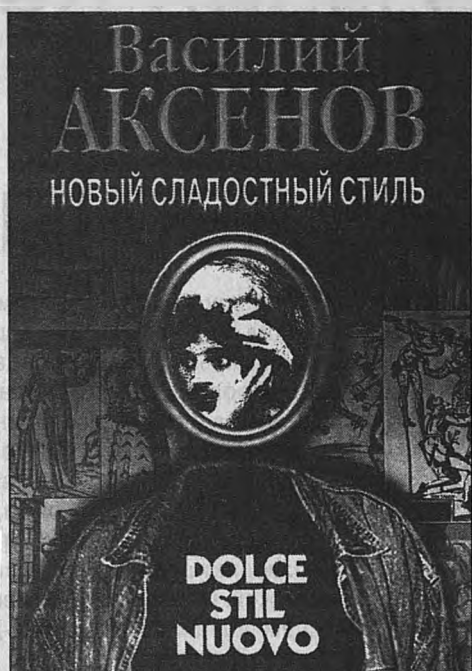

051129 123 -
- 1954 - 118 -
ЮБИЛЕЙ - 2025 - 10.10

20 августа **Василию Павловичу Аксенову** — 65 лет. Издательство «Изограф» делает писателю лучший подарок — выпускает новую книгу юбиляра под названием «Новый сладостный стиль». Ее главный герой Александр Корбах — помесь Высоцкого, Тарковского, Любимова и самого автора — выброшен советской действительностью в вакуум эмиграции, где он из московского властителя дум и предмета обожания дам превращается в служителя нью-йоркского паркинга и бытового пьяницу. Здесь-то и находит его четвероюродный брат Стэнли Корбах, обладатель 15-миллиардного состояния и мятущейся души. Слившись в дружеских объятиях, братья спускают несметное богатство до нескольких миллионов и, побросав его в котомку, бродяжничают по штату Очи черные, решая вопросы бытия. Знаменитая армстронговская строчка («Очи черные — Калифорния») возвращает нас во времена аксеновской молодости, когда так...

...Свежи были розы

Теперь не время простодушных людей, самородков, энтузиастов, борцов за правду. Теперь безжалостный постмодернист определяет степень твоего интертекстуального невежества; концептуалист отметит дозу твоей творческой замутненности, нечистой приверженности не к тексту, к смыслу. То есть ничего не случится, но читать не будут, не стоит.

В таких условиях мало кто выживает, и не жалко. Неблагодарность писателей почти ми-

фологична: ученики пожирают учителей, чтобы в свою очередь быть пожранными. Никто никому не поможет. А если кем заинтересуется широкий читатель, тот гибнет первым.

На этом жестком фоне аксеновская проза выглядит голо и мазохично. Только гуманист пощадит, но гуманисты теперь не в чести. Нужно немножко перетерпеть. Завтра будет легче, чем сегодня. Когда свергнут постмодернистов, утвердятся романтики начала двадцать первого века. Те-то протянут руку незаслуженно забытым шестидесятникам.

Но пока все-таки остались, не вымерли друзья-шестидесятники, открывшие Запад в таллинских кофейнях и на джазовых предтусовках, аксеновская проза будет греть сердца многих тысяч людей.

И пока я не позабыл того июньского вечера 1966 года, когда Василий Павлович в зените своей славы вошел вместе с опальным Бродским в квартиру Евтушенко, чтобы найти тайный способ напечатать Бродского в «Юности», и, казалось, все всегда будут молодыми, а дружбе не видно конца, и я, случайный юный соглядатай, бескорыстно ликовал при виде такой великолепной дружбы... Евтушенко всех расставил по местам, выдал нам на троих новейшую игрушку нью-йоркской полиции: walky-talky, а сам спрятался в уборной... «я вам прочту сейчас свои новые стихи»... мы прильнули к игрушке... Аксенов с интересом, Бродский — без... Я — Гойя! — вдруг звонко, по-евтушенковски, зашипела игрушка... Все грохнуло. Шутка удалась. Неслышанный джин с тоником потек в четыре горла... Евтушенко открыл ящик письменного стола, там валялись невиданные зеленые деньги. Курили только Winston, тут Бродский вставил, что ему в деревенскую ссылку слали Kent ящиками. Это тоже произвело впечатление, хотелось быть тоже сосланным в ссылку. Под утро для меня нашлась работа. С грехом пополам я переводил им лестные американские статьи о них же самих из толстого профферовского журнала. Некоторые лестные эпитеты я на ходу придумывал сам, из чистого умиления. Когда совсем рассвело, мы с Бродским сели в одну такси, я — вперед, он на заднее сиденье, через несколько минут из его рта потекли какие-то неопределенные звуки. Я нервно оглянулся... это я так стихи — спокойно заметил поэт... Я присутствовал при священнодействии... У Белорусского вокзала мы растались в общем-то навсегда...

И пока я все это не забыл, для меня «Звездный билет» — литературная вежа, переворот в головах, маленький шаг одного писателя, но большой сдвиг российской ментальности. И книги, следовавшие за «Звездным билетом», — утверждение меняющейся ментальности, новый трепет, торжество дерзости, к счастью для всех, превратившейся сначала в общее дело, а уж после в общее место.

Писатели, выросшие на Аксенове, знают: это он открыл правила новой литературной игры, в условиях морального гнета первым ослабил галстук-удавку, и стало свободнее писательским шеем. И он радовался не только за себя. В нем всегда была редкостная щедрость.

Стоит ли придирается к безвкусице и комсомольским коннотациям его героев, тем более что сейчас это даже — ну да — забавно?

Дело не в «чуваках» и длинноногих «чувахках». И не в литературной истории. А в том, как свежи были розы.

Виктор ЕРОФЕЕВ